

Мария ЧАЛКИНА*с. Подгородняя Покровка,**Оренбургская область*

Самый настоящий друг

рассказы

Лето Варвары

Лето перевалило за середину, а Варвара так и не нашла себе друзей. Даже одного, даже самого захудалого друга!.. Рыжий кот Маврикий за полноценного друга не считался. Он хоть и бежал со всех лап на Варин зов, но интерес у него был шкурный – мясные обрезки. Мавр быстро съедал свою порцию, милостиво позволял почесать себе за ушком и даже мог деликатно муркнуть или хрюкнуть в ответ, но потом неизменно удалялся. Собственные дела Маврикия поважнее Вари будут.

Вот уже полгода, как семья Вари переехала из тёплого приморского городка, пропитанного виноградным соком и солью, в этот большой город посреди степи. Здесь тоже было солнечно, но ветер нёс запах полыни и пыль. Деревьев мало, а людей очень-очень много. Перебраться пришлось зимой, срочно, так как Варина бабушка сломала бедро и нуждалась в уходе. Варины родители не привыкли жить в разлуке, поэтому уволились с работы, дом закрыли и переехали к бабушке.

На новом месте папа, журналист по профессии, быстро нашел место в редакции, мама стала ухаживать за бабушкой. А вот их дочке Варваре в этом городе ветров было несладко.

Папина родня, тоже живущая здесь, часто подшучивала над Варей. Девочка была смуглая, невысокая, черноволосая и черноглазая, а её родители – рослые голубоглазые блондины. Однажды мама Вари не выдержала и положила на колени родственничку, который больше всех изощрялся в юморе, черно-белую фотографию очень смуглой женщины. Её черные волосы были собраны в высокий кулич, глаза смотрели задорно, а в руках – гитара. Это была Варина прабабушка – Манька Чёрная. Мама сказала, что, возможно, она была цыганка или испанка, или гречанка... Точных данных не было, знали лишь, что Манька – дочь крепостной поварахи. И теперь в одинокие минуты Варя смотрела на эту фотографию

и чувствовала любовь и благодарность к прабабушке. «Мы с тобой одной крови!» — шептала она снимку.

Если дома было еще терпимо, то в школе всё шло ужасно. Варя попала в большой лицей, причём сразу после Нового года, в начале третьей четверти. И без того было тяжело, а ещё и классная руководительница новенькую невлюбила, жаловалась родителям, что Варя не интересуется жизнью класса. А как интересоваться, когда все в классе дружат между собой, а она вот только что пришла? К тому же ростом меньше всех, зашуганная. Варю в классе сразу окрестили заторможенной. А тут ещё масла в огонь подлила учительница литературы. Она рассказала на уроке, что многие имена имеют греческие корни, привела в пример имя «Варвара» — «чужеземка». И стали Варю дразнить «чужой». Вроде и не ругательное слово-то, а обидно. Везде чужая: в семье, в школе и во дворе даже.

Варвара вышла погулять в жаркий летний полдень. Соседские мальчишки со свистом и криками унеслись к гаражам, едва завидев её, и даже Мавр не появился из-под скамейки. «Совсем одна, никому не нужная... Чужая, чёрная...» — Варвара расстроилась почти до слёз.

И вдруг она увидела, что дверь барака, который стоял в глубине их двора, приоткрылась. В нём было всего три квартиры — очень тесные, с комнатой в одно окно, правда, с удобствами. В том бараке жили дворничиха с дочкой, старый художник и одинокая сумасшедшая старуха, которая даже летом ходила в шубе.

Так вот на крыльцо вышел старик-художник. Одет он всегда был очень бедно. Носил заштопанные штаны и рубашку, на ногах — стоптанные сандалии, была у него лохматая шевелюра на голове и седая борода. То, что он художник, Варя узнала сама. Её очень манило его маленькое пыльное окошко, за которым стояла банка с кистями, а если долго вглядываться, то можно увидеть угол комнаты, заваленный картонками, какими-то тряпками и даже камнями и ветками деревьев.

Пал Палыч — так все называли старика — ос-

торожно спустился по ступенькам и, сжимая в руке авоську и кошелёк, пошаркал со двора. Поравнявшись с Варей, он глянул на неё внимательными глазами.

— Здрасти, — буркнула девочка.

— Здравствуй, Варвара-краса, — поздоровался старик и побрел себе дальше.

«В магазин пошёл, — подумала немного приободренная его ласковым приветствием Варя, — час точно ходить будет. А дверь свою он обычно не запирает... А что, если зайти хоть на минутку, посмотреть, что у него там?.. Правда ли, что он художник?»

Варя еще раз убедилась, что Пал Палыч вышел за ворота, и побежала к бараку.

В квартире было темно и прохладно. Маленький коридор, деревянные крашенные полы... Свет, падающий из единственного окна, мягко стелился, баюкая витающие в воздухе пылинки. На подоконнике действительно стояла банка с кистями, а около окна — большой мольберт, возле которого на двух табуретах теснились палитра, краски в тубиках, какие-то баночки и тряпочки. Везде: возле стен, на полу, на стеллажах и даже на диване, — были картины. Они стояли стопочками и по одной, были на картонках и на холстах, написанные маслом и едва набросанные углём. Тут и там — карандаши в стаканах, краски в коробках и без, цветные мелки, а также красивые веточки, камни и даже два бюста — томной женщины с прямым носом и кудрявого юноши. А пахло в квартире художника восхитительно!

Под Вариными ногами скрипели половицы, громко тикали часы.

— Ух ты! — не выдержала Варя.

В ответ ей с дивана кто-то сказал:

— Хр-р? — и два оранжевых глаза уставились на гостью.

— Мавр! Ты здесь живешь? — девочка присела на диван рядом с котом и погладила рыжую шерсть.

— Хр-р-мр-р... — ответил Маврикий и уютно уложил мордочку Варе в ладонь.

Вдруг Варино внимание привлекла большая картина, стоящая на мольберте. На ней мальчик примерно её возраста стоял посреди берё-

зового леса и на ладони держал красные ягоды, а солнце, льющее сквозь светлые деревья, освещало его рыжую голову и веснушчатую физиономию. Варя так долго вглядывалась в его серьёзное лицо, что ей показалось, будто мальчик улыбнулся, его янтарного цвета глаза потеплели, а ягоды на ладошке стали источать аромат.

— Будешь? — спросил мальчик. — Это лесная земляника, её непросто найти.

— Что? — Варя не поверила ни своим глазам, ни ушам, ни даже носу.

В комнату вместе с птичьим щебетом и шелестом березовых листьев ворвался запах леса.

Девочка посмотрела на Маврикия: тот как ни в чём не бывало потянулся и повернулся на другой бок.

— Это ты мне? — в растерянности спросила Варя.

— Конечно, тебе. Не Мавру же. Он ягод не ест. На, возьми, — мальчик протянул ей ягоды.

И теперь вся эта картина окончательно ожила: и земляника, и мальчик были совсем как настоящие.

Варя поднялась с дивана и шагнула к мальчику. Она взяла ягоды, коснувшись его руки. Про себя отметила, что ладонь у него тёплая, а ягоды чуть влажные, сунула угощение в рот и заулыбалась: земляника была удивительно вкусной, сочной.

— Если хочешь, пойдём со мной, — предложил мальчик. — Не бойся. Вернёшься сюда же в целости и сохранности.

— А как?.. — недоумевала Варя.

— Давай шагни! — мальчик взял её за руку и слегка потянул за собой.

Варя сделала всего шаг вперед и ступила не на деревянный пол, а на землю, поросшую травой. Рядом мелькнул рыжий зверек.

— И Маврик с нами, — мальчик улыбнулся и погладил кота, а тот с увлечением начал поедать травку.

Варя обернулась: комнаты за её спиной не было, вокруг шумел берёзовый лес.

— Меня зовут Митя. А ты, наверное, Варвара? — сказал он и пошёл по тропинке.

Варя двинулась за ним.

— Откуда ты знаешь?

— Догадался. Дед про тебя рассказывал. Переехала, говорит, к нам девочка. Хорошая, красивая, как в сказках, — черноокая да черноволосая, и имя редкое, тоже сказочное, — Варвара. Но грустная, невесёлая. Ты почему грустная? — спросил как-то строго Митя, жмурясь от солнца.

— Да так... чужая я везде, — откровенно ответила Варя.

— А ты не будь чужой. Вот мне ты уже своя! — весело сказал Митя. — Хорошо, что ты в носках, плохо, что в шортах. По лесу так не ходят.

— Да я ж не знала... — попыталась оправдаться Варя, стараясь не отстать от Мити.

— Ну, конечно, не знала, — мальчик засмеялся. — Знаешь, я очень рад знакомству. Ступай остороженько. Мы ежиной тропой идём. Не наступи на ежа!

— Ежиной тропой?! А куда мы идём? — удивленно спросила Варя.

Теперь Митя, идущий впереди неё, был совершенно реальным мальчиком — со шрамом на носу, в потёртых джинсах, рюкзаком на спине и футболке с каким-то псом. При ходьбе он смешно размахивал руками, но шёл уверенно и явно знал местность.

— Мы идём к Лесному Царю за ягодой. — Митя сорвал по пути ромашку и, обернувшись, протянул её девочке.

— Спасибо! — Варя хотела понюхать цветок, но спорхнувшая с него божья коровка ударила в её нос и упала в траву. Варя ойкнула, но не придала этому значения: слишком много удивительного окружало её. — А ты где живёшь? — спросила она у Мити.

Мальчик повернул в её сторону голову:

— Живу здесь, в деревне. С родителями. Они держат лошадей, я им помогаю.

— Ого! А в школу ходишь?

— Конечно! В селе есть школа. Не очень, может быть, сильная школа, но мне нравится. Нас в классе пять человек, — Митя говорил серьёзно, как взрослый, и шёл по лесу тоже по-взрослому: не торопясь, но быстро, уверенно, при этом осторожно ступая.

Варвара с трудом успевала за ним, даже Маврик бежал впереди неё. Они прошли не очень много, но девочка уже устала. Берёзовый лес

сменился поляной. Небо было чистым, над ними с криком пролетела хищная птица, вокруг стоял треск кузнечиков, птичье пение.

— Ты любишь лес? — Митя достал из рюкзака флягу с водой и протянул Варю.

— Не очень. Вернее, не знаю. Я море люблю, песок... — Она сделала несколько глотков и вернула флягу Мите.

— Раз любишь море, то и лес полюбишь. Смотри, он такой же бескрайний.

А лес и правда был бескрайний. За поляной, по которой они шли, начинался осиновый лес, за ним виднелись сосны и ещё какие-то тёмные деревья... И все это тянулось до самого горизонта.

Ребята зашли в осинник. Там трава почти не росла, дёрн был устелен опавшими листьями, пахло влагой. Чем дальше они шли, тем гуще становился лес, больше попадалось коряг и поваленных деревьев. Света стало очень мало. Птичий щебет стих.

Ребята пробирались через лесную чащу.

— Тише ступай, — сказал Митя, понизив голос почти до шепота, — мы подходим к Лесному Дому.

Впереди виднелся какой-то не то холм, не то большая куча листьев. Только приглядевшись, Варя поняла, что это что-то вроде землянки, засыпанной ветками и поросшей опятами.

Дети остановились.

— Привет Лесному Царю! — сказал Митя громко.

Варя вздрогнула и замерла, увидев, как в землянке открывается дверца, сплетённая из веток. Из-за неё показался остренький носик, блестящие глазки, а потом и весь зверь. Этот здоровенный седой ёж был размером с крупную собаку. От старости его морда заросла седой бородкой. Ёж вышел из-за двери на двух лапах, а потом опустился на четвереньки и остановился, пытливо глядя на ребят.

— Фух? — спросил ёж.

— А! Сейчас, — Митя торопливо залез в рюкзак и достал оттуда три больших пряника. — Вот, твои любимые... — он положил пряники на землю и немного отошёл назад.

Стоя на четвереньках, ёж с громким фыр-

каньем обнюхал угощение, затем поднялся на задние лапы, а передними, когтистыми, взял пряники и скрылся с ними в землянке.

Варя с удивлением услышала, что оттуда донеслось какое-то бормотание, возня и грохот. Вскоре ёж вновь показался из своего домика. В лапах он держал плетёную корзинку, доверху наполненную ярко-красной земляникой. Он поставил на землю свою ношу и сказал утвердительно:

— Фух! — после этого вернулся к себе и больше не выходил.

К удивлению Вари, и Маврикий поспешил за ним в домик.

— Они большие друзья. Не переживай, — заметив её замешательство, сказал Митя. — А нам надо идти. Тебе пора.

Ребята пошли обратно уже знакомым путём. По дороге они горстями ели ягоды из корзинки и все перемазались в земляничном соке.

У Вари на душе было легко и радостно, как будто она наконец-то нашла настоящего друга.

Совсем скоро они с Митей оказались в знакомом березовом лесу.

— Ну, вот. Пришли. Тебе пора домой. — Митя неловко пожал Варину руку.

— А как?.. — опять несмело спросила она.

— Просто закрой глаза и шагай.

Варя так и сделала, и вот её нога опустилась на твёрдый деревянный пол. Звуки и запахи леса исчезли, послышалось тиканье часов, запахло красками. Девочка открыла глаза и обернулась: за её спиной стоял мольберт с чудесной картиной — мальчик смотрел на Варю в упор. Варя даже коснулась холста, но это был только холст, шероховатый от краски.

Она опустилась на диван, отметила, что кота на нём нет, и, почувствовав усталость, прилегла.

Пал Палыч медленно шёл из магазина домой. На самом деле целый супермаркет был даже ближе к его бараку, а тот магазин, куда по привычке ходил он, назывался «Инвалидским»: раньше там выдавали товары по талонам. Вот и осталось у старого художника предубеждение, что там если не дешевле, то хотя бы душевнее, чем в супермаркетах.

И вот старый художник поднимался на крыльцо. Он думал о своих нехитрых покупках — о том, что конфеты были лишними, эти двести рублей лучше было бы отложить на обувь.

Пенсия у него была маленькая. Всю жизнь проработал Пал Палыч декоратором в кукольном театре, к большему и не стремился, потому что каждую свободную минуту посвящал живописи. Но продавать он свои работы не умел, выставки случались редко, и прекрасные картины заполняли его тесную каморку.

Зайдя в свою квартиру, он сразу понял, что кто-то здесь есть: сначала услышал чужое дыхание, а потом и увидел соседскую девочку, которая котёнком свернулась на диване.

А из освещенного летним солнцем угла на художника весело глядел портрет его внука Митьки, по которому он тосковал, но свидетельств не получалось. Пал Палыч не был в ссоре ни с сыном — отцом Мити, ни с невесткой, но они очень были заняты своей лошадиной фермой в Башкирии. А Пал Палыч приехать к ним не мог, вот и писал он Митины портреты по памяти да по фотографиям, которые присылал ему сын.

Варя мирно сопела, а её лицо и руки были вымазаны чем-то красным. «Дуреха, в краску влезла», — беззлобно подумал художник. Разложив принесенные из магазина покупки — хлеб, кефир, молоко, Пал Палыч вскипятит чайник на электрической плитке, заварил иван-чай.

А Варя всё спала. Тогда хозяин решил её разбудить.

Когда девочка открыла глаза, она не сразу поняла, где находится. Наконец узнала соседа и виновато заулыбалась.

Пал Палыч обиды за вторжение не таил.

— Чай будешь? — спросил он. — Я вот «Мишку на Севере» не зря купил. Для тебя, оказывается.

— Буду. Спасибо, — смущенно сказала Варвара. Теперь она припомнила свои приключения. — А это кто? На картине? — кивнула на мольберт у окна.

— Внук мой Димитрий. Красавец, да? Солнцем поцелованный! — Пал Палыч и сам залюбовался портретом.

— А он... живой?.. — Варя не знала, как спросить. — Ну... настоящий?

— Конечно! Что за вопросы?! Двенадцать лет уже лесному мальчишке!

— Я видела, как эта картина ожила! И мы гуляли с ним в лесу! И говорили! Он меня ягодой угостил! — Варя возбужденно частила словами: — Митя такой смешной!.. И у него шрам на носу!..

— Шрам на носу? Я про него и забыл... Надо дописать. — Пал Палыч налил гостею чаю.

Художник не то чтобы удивился рассказу девочки, но задумался.

— Вы мне верите? Верите?! — допытывалась Варя.

— Конечно, верю! — сказал Пал Палыч. — Живопись — удивительная вещь. Я тебе даже завидую, — и добавил: — Ты угощайся конфетами и беги, а то родители хватятся.

— Спасибо, — Варя шустро развернула конфету и целиком сунула в рот.

Допив чай, она засобиралась уходить. Повинилась на пороге:

— Простите, что зашла без спросу...

— Да ничего, — Пал Палыч махнул рукой. — Приходи ещё! А ты Мавра не видела, дружите же вроде?

— А он у Лесного Царя! — выпалила Варвара и выскочила за дверь, оставив немного удивленного ответом художника мыть чашки.

Варвара шла по двору и припоминала свое приключение. Удивительно было, что там, в чужом лесу, ей совсем не было страшно. К своему дому Варя направлялась так же уверенно, как шагала по незнакомой тропинке вслед за новым другом. Она даже решила, что так же смело пойдет в школу в сентябре. А чего ей теперь бояться? Не каждую девочку Лесной Царь угощает ягодами! «А может, это сон?» — вдруг подумала она, но мигом забыла о сомнениях: с её руки взлетела божья коровка и устремилась прямо к синему небу.

Волшебная сова

В ноябре, когда Варя заболела, погрузневший Маврик в одиночестве сутками просиживал во дворе у синей скамейки. И даже его законный хозяин, художник Пал Палыч, был вынужден выносить коту миску с едой на улицу. Маврикий гулял исключительно под скамейкой, спал на ней, а чаще сидел возле неё столбиком, глядя на оранжевую дверь подъезда, откуда обычно выходила девочка. Но она все не показывалась...

А Варвара лежала в своей комнате на высоких подушках и смотрела на балконную дверь, сквозь которую были видны колышущиеся на ветру ветки голых деревьев и дождливое осеннее небо. Варвара не читала и не смотрела мультики, грудь её сжимало от боли при каждом вдохе, и спать было невозможно из-за ужасного хрипа, который издавали простуженные бронхи, потом добавился и мучительный кашель.

Вся семья Вари тоже почти не спала. Папа заваривал ей лечебные травы, мама нарезала яблоко, часто родители сидели у её постели по очереди, ожидая, когда приступ кашля утихнет и дочь заснет.

Так тянулись долгие три недели.

Сначала Варя, как все дети, которые не любят ходить в школу, обрадовалась болезни, а потом недуг стал забирать у неё все силы.

Одно развлечение ей осталось — смотреть в окно. От затяжной болезни Варины глаза посветлели и стали отдавать зеленью, а смуглая кожа — желтизной.

Врач, навещавшая Варю дома, после осмотра пациентки переговаривалась с родителями в кухне: «Вы ведь все назначения выполняете?.. Девочка слаба. Ей важно усиленно питаться и пора уже вставать с постели, расхаживаться по дому. Плохо, что болеет без температуры, но откашливается — это хорошо».

Варя потихоньку клевала принесенные мамой котлетки и омлет, но мучилась от долгих изнуряющих приступов кашля, сил вставать всё не было. Ходила лишь до туалета по стеночке и обратно.

Нельзя сказать, что она особенно скучала по рыжему коту Мавру, соседу художнику Пал Палычу... Больше ей вспоминался Митя, внук Пал Палыча, с которым она никогда не встречалась в реальности, но которого видела на картине в мастерской. Старик ей много про него рассказывал, читал его письма. А в глубине сердца Варя хранила свою тайну — как однажды картина ожила и впустила девочку в Митину жизнь. Или ей это приснилось?..

Сейчас, засыпая в постели, Варя пыталась представить золотого, как солнце, мальчишку, берёзы в знакомом уже лесу и узенькие малохоженные тропинки... Но сон не приходил. Наступала лишь долгая тягостная и не исцеляющая дремота.

Однажды сквозь тяжелую мутную дрему Варя услышала, что кто-то позвонил в их дверь. Для врача было поздно, и она стала прислушиваться. Кто-то из родителей открыл дверь, и из прихожей до Вари донесся знакомый голос. Потом дверь хлопнула: гость ушёл. А в Варину комнату почти сразу пришел улыбающийся папа:

— Знаешь, кто к тебе приходил?

— Знаю. Пал Палыч, — несмотря на равнодушие ко всему, художнику Варвара обрадовалась.

— Угадай, что он принес! — папа что-то прятал за спиной.

— Ну пап... — проямлила Варя. Играть в угадайку не было сил.

И тогда папа протянул дочке чудесную белую хризантему и яркую открытку:

— Вот. Это тебе от Мити!

— От Мити?! Правда?! — вмиг оживилась Варя, не поверив своим ушам.

Она резко села на постели, отчего голова немного закружилась. Девочка взяла дары.

Хризантема чудесно пахла горькой травой и холодом, а на открытке было нарисовано какое-то зверино-цирковое действо: зайцы били

в барабаны, медведи крутили педали велосипедов, а пудели в балетных пачках стояли на задних лапах.

Варя перевернула открытку и на штемпеле прочла: «Республика Башкортостан». «Ура! Правда, от Мити! Не обман, не подделка!» — подумала она и стала читать послание, написанное твердым почерком.

«Дорогая Варя! Я давно собирался написать тебе, но не решался. Дед много говорил о тебе по телефону и даже писал в письмах. А вчера он позвонил и сказал, что ты сильно заболела и не гуляешь. Наверное, лежишь в постели. Я нашел только эту дурацкую открытку, но, надеюсь, она тебя повеселит. Знаешь что? Недавно я видел сову! Она такая красивая: серая с белыми ромбиками, клюв желтый, а глаза какие-то светящиеся. Она сидела в дупле большого дерева и сказала мне: «Ту-гу!» Это, думаю, приветствие такое у сов. Я попросил деда нарисовать её, а ещё купить тебе от меня цветы. Девочки же любят цветы? Выздоровлявай, пожалуйста. Болеть плохо. Митя».

Все это с трудом помещалось на маленькой открытке, и к концу письма буквы стали совсем мелкими.

Варя прочитала послание, наверное, тысячу раз и все любовалась на пенящуюся белоснежными лепестками хризантему, которую мама поставила в вазе у её кровати.

От радости Варя с аппетитом съела весь ужин, не пикнув, вынесла очередной укол и, свернувшись клубком, уснула, касаясь рукой припрятанной под подушкой открытки.

А сосед Пал Палыч в тот день, выполняя просьбу внука, работал. Повезло, что у него нашелся небольшой подготовленный и загрунтованный холст. Наметив углем рисунок, художник крупными мазками рисовал сову, которая выглядывала из дупла.

«Длиннохвостая неясить! Наверное, эту совушку видел Митя», — так рассудил художник. Пал Палыч всегда торопился работать. Он был очень стар, и главный его страх был оставить незаконченной картину, не донести что-то до зрителя, не успеть сказать. Но в этот раз все получалось как по волшебству:

нужная краска находилась сразу, цвета легко смешивались, мазки, как перышки, сами ложились на холст, а шершавая кора дуба, как настоящая, проступала под торопливой кистью. Масляные краски удивительно быстро схватывались, и даже мелкие детали картины старик успел проработать.

Спать Пал Палыч лег в два часа ночи, он очень устал, но был доволен своей работой. Пахнущее краской готовое полотно стояло у окна на мольберте. Сова хитро смотрела с картины, а дерево, казалось, пахло дубовой корой и влажным лесом. Художник устроился на диване, накрывшись старым пледом, а на табурете между красками, кистями и палитрой стоял остывший чай. Пал Палыч так устал, что заснул, так и не допив его.

А во дворе под синей скамейкой спал кот Маврикий. Ему было зябко на улице, но он отказывался покидать свой пост.

Варя проснулась посреди ночи от странного звука. Прислушавшись, она поняла, что шуршание и шорох доносятся с улицы. Девочка затаила дыхание и вдруг ясно услышала: «Ту-гу!», потом опять: «Ту-гу-гу!» Она вскочила с кровати и бросилась к балконному окну. Варя увидела, что напротив на ветке дерева мостится светло-серая большая птица. Вот она замерла и, не мигая уставившись на Варю, повторила: «Туг-гу».

— Сова!!! Здравствуй, сова! — радостно ответила Варя.

Прижавшись носом к холодному стеклу, она разглядывала чудесную птицу, ее большую голову, ладное тело, небольшие торчащие уши. Сова тоже, казалось, разглядывала Варвару. Из желтоватых глаз птицы лился лунный свет. Он был как будто волшебный, мягкий, обволакивающий. Казалось, этот свет стучится в Варино окно и просится войти в комнату.

Девочка, недолго думая, открыла балконную дверь и вышла на свежий воздух. Под босыми ногами у Вари лежал первый снег. Варя посмотрела вниз: весь двор, деревья, скамейки — все кругом было припорошено этим чистым белым снегом. Луна и снег сделали ночь светлой.

Сова сидела не шевелясь и по-прежнему смотрела на Варю. А та была счастлива! На улице было холодно, но Варя чувствовала тепло. Она любила этот двор, ночь, первый снег, эту сову, про которую писал ей далекий друг Митя. От такой радости на глазах Вари навернулись слезы.

Вдруг Варя услышала снизу знакомое «хр-р, мр-р!». Мавр, увидев девочку, стоящую на балконе третьего этажа, стал нарезать круги по двору, привлекая её внимание. Варя помахала ему рукой, а когда перевела взгляд на дерево, совы на нем уже не было. Но она не грустила. Махнув еще раз — теперь уже на прощание — рыжему коту, луне и всей волшебной ночи, Варвара пошла спать.

Утром Варя проснулась бодрой, теперь ей очень захотелось выздороветь как можно скорее.

Едва начав выходить на улицу, вместе с папой она отправилась в гости к Пал Палычу. Пока художник ставил греться чайник, а папа угощал колбасой Маврика, девочка рассматривала новую картину. Янтарные глаза совы были словно живые, а перышки забавно топорщились.

— Какая сова! Пал Палыч, вы гений! — восхитилась гостья.

— Ну что ты, Варенька, — отмахнулся старик, хотя было видно, что он польщён. — Мне просто очень хотелось её написать. Она так поразила Митю!

— А мне сова приснилась! Или действительно прилетела?.. Я точно не знаю. Но сова была такая же, как на вашей картине!

— Ну, раз вы уже знакомы, значит, место в твоей комнате для неё найдётся! — объявил немного торжественно художник, снимая холст с мольберта.

Варя от радости захлопала в ладоши. А папа в недоумении лишь пожал сухую ладонь старика.

Эта чудесная картина висит в их квартире до сих пор, хотя девочка давно выросла и уехала от родителей. Когда Варя грустно, она приезжает в родной дом, смотрит в ласковые совиные глаза, и её, как в детстве, накрывает волной благодарности и любви.

Портрет

Пал Палыч вставал с рассветом. Он открывал глаза ровно в тот миг, когда золотисто-розовый солнечный луч касался берёзки, росшей у его единственного окна. Летом — в 5:40, зимой — около девяти старый художник заваривал в гранёном стакане с подстаканником иван-чай.

Размешивая ложечкой сахар, он задумчиво оглядывал своё жилище: служившую ему и мастерской, и спальней комнату, а маленький столик в углу был «кухней». Он вглядывался в детали своего быта, пытаясь найти зацепку для новой картины, если, конечно, с мольберта не смотрела на него призывно незаконченная работа.

Так и в это летнее утро он стоял у «кухонного» столика, прихлёбывал сладкий чай и изучал свой дом. «Сухая прошлогодняя рябина. Нет, её нужно выбросить. Скоро новая будет. Жёлтая тряпка на диване... Луч света играет на ней... Красиво. Пылинки золотистые... мерцают... медленно опускаются. В луче света фигурка Дон Кихота. Шпага... такая тонкая. Фигурка... Он читает книгу. Интересно, что читает. Сервантеса, ха... Старые картины! Нет. О, Мавр спит! Надо же, со мной ночевал, через форточку пришел. Потягивается. Рыжий наглый кот. Предатель... Дружит с соседскими детишками, а у меня только ест и спит...» — так не спеша, позволяя мысли плыть листком по воде, художник открыл ножом банку тушёнки и, выложив немного на блюде, позвал рыжего завтракать.

Дон Кихот, заинтересовавший Пал Палыча, был подарен ему на работе. Перевернув фигурку, он прочитал на её основании «Дорогому декоратору Большакову Павлу Павловичу в день его 50-летия. Коллектив театра кукол «Буратино».

— Мальчишкой совсем был! — вспомнил тот день семидесятидевятiletний старик. — Сколько было ещё не сделано... А что-то и сейчас не успел. И не успею. Так, Мавр, скорее за работу! Есть готовый холст. Надо начинать!

Завтракавший Мавр отвлёкся от тушёнки:

— Хр-р?

— Что — «хр-р»? Работать. Нечего время терять! — строго ответил Пал Палыч.

— Хм-р-р... — кот опять уткнулся мордой в блюдец с тушенкой.

Хорошо сказать — «работать». Но что запечатлеть? Художник поставил белый холст с подрамником на мольберт. Чистота листа давно не пугала Большакова. Скорее, манила. Он считал, что ждать вдохновения — слишком большая роскошь, поэтому готов был к работе всегда. Пусть и придётся впоследствии переписать картину.

Взяв в руки фигурку, он поставил её на окно. В солнечных лучах Дон Кихот из чёрного стал золотисто-каштановым.

— А я ведь тоже в юности был рыжим! И зеленоглазым! — сообщил художник коту, который деловито запрыгнул на диван с целью передремать завтрак до обеда.

— Знаешь, Мавр, она так меня любила... Говорила, что я солнечный красавец, что я рыцарь... Как этот Дон Кихот...

Мавр знал, что «она» — это Катерина, жена хозяина, умершая задолго до начала его первой кошачьей жизни.

— ...Она мечтала жить у моря... А я не мог бросить свой театр, друзей и даже этот уютный барак... Какой я после этого рыцарь? Она ошиблась, наверное, — художник присел на диван, отодвинув разложенный Мавриком хвост. Кот положил хвост хозяину на колени. — ...Но Катенька никогда не лгала. И она говорила, что ей повезло со мной. Может, и правда, зря я себя корю?.. Вот только она расстра-

ивалась, что я никогда не писал автопортреты. «Моих-то портретов у тебя сто! — говорила. — Почему я должна быть одна? Напиши себя...» А я всё отмахивался в ответ.

Маврик слушал вполуха. Его усыпляла неспешная тихая речь, которая гармонично сливалась с жужжанием залетевшей в комнату мухи.

Художник встал с дивана.

— Просьбы дам надо выполнять! — заявил он коту и взял из пачки новый тоненький уголёк.

Через неделю друзьям Пал Палыча — коту Мавру и соседской девчонке Варваре — была представлена новая картина. Называлась она «Солнечный рыцарь». Красивый загорелый мужчина вполборота смотрел на зрителей. Его зелёные глаза блестели хитринкой и янтарём. Из-под шляпы с белым пером выбивались рыжие локоны. Портрет был по пояс, но было видно, что рука рыцаря сжимает эфес шпаги.

Варя была восхищена. Она то подходила близко к картине, то отступала назад. Картина пахла маслом, солнцем и почему-то морем...

— Чудесно! Он такой красивый! Кто это? — спрашивала Варя художника.

— Не знаю. Гость из сказок, наверное! — Старик был доволен работой. Он шурил на девочку посветлевшие зелёные глаза и радовался вместе с ней.

□

Мария Владимировна ЧАЛКИНА

родилась в Оренбурге,

окончила филологический факультет

Оренбургского государственного педагогического университета.

Участник ЛИТО им. В.И. Даля.

Пишет рассказы.

Публиковалась в оренбургских газетах,

в журнале «Истоки», альманахе «Гостиный Двор».

Работает в СМИ.

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2021)

в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

